

DOI 10.31483/r-22213

Литвинский Вячеслав Михайлович

ФИЛОСОФИЯ КАК УСИЛИЕ МЫСЛИ В СИТУАЦИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Ключевые слова: философия, дискурс, концепт, концептуальный анализ, лингвистическая компетентность, ситуация неопределенности.

В монографии рассматривается философское образование в связи с ситуациями неопределенности. Усилия прочитать философское произведение как следует позволяет рассматривать философию как способ интеллектуально-психологической деятельности по реконструкции утраченного, или же поиску нового смысла в ситуациях неопределенности, когда необходимость принимать решение связана с принципиальной недостаточностью исходной информации. В качестве инструмента адаптации к ситуациям неопределенности философия использует концептуальный анализ, развивая лингвистическую компетентность человека.

Keywords: philosophy, discourse, concept, conceptual analysis, linguistic competence, situation of uncertainty.

The monograph discusses philosophical education in connection with situations of uncertainty. Efforts to read the philosophical work allow to consider philosophy as a way of intellectual and psychological activity on reconstruction of the lost, or searching for a new meaning in situations of uncertainty, when the need to make a decision is connected with the fundamental inadequacy of the initial information. As a tool for adapting to situations of uncertainty, philosophy uses conceptual analysis, developing a person's linguistic competence.

В европейской культурной традиции сложилось устойчивое представление о сущностной связи философии с мышлением, которое, по удачному выражению замечательного отечественного философа М.К. Мамардашвили, можно определить как «усилие, чтобы случилась мысль», и, следовательно, спросить себя, – для чего это усилие необходимо? Прежде всего, необходимость усилия связана с

тем сложным процессом мышления, первые шаги которого определяются встречей с книгой. Усилие необходимо, чтобы *прочитать* философское произведение. Кажущаяся простота этого ответа обманчива. Философы не пишут учебников по философии. Продуктом их творчества являются философские *произведения*, сопротивляющиеся усилиям читателя, той лингвистической компетентности, которая не исчерпывается вербальными значениями слов, а связана с необходимостью адаптации к ситуациям неопределенности. Именно этим аспектам философского образования посвящена эта статья.

Что значит читать как следует? Замечательный русский писатель, тонкий знаток мировой литературы, переводчик Вл. Набоков в своем предисловии к «Лекциям по истории зарубежной литературы» подметил парадокс: с одной стороны книга – очевидный повод для торжества человеческого разума, так как величайшие достижения человеческого духа дошли до нас благодаря книге, а с другой – одна из технологий получения, хранения и использования информации – обладает низким коэффициентом полезного действия. Набоков с сочувствием цитирует записку, в которой Г. Флобер писал: «*Каким ученым можно было бы стать, зная как следует пять-шесть книг*» – и, справедливо полагая, что *знать как следует книгу* – это значит, прежде всего, *как следует ее прочитать*, – исследует далее вопрос, *что этому мешает*. Вслед за Вл. Набоковым спросим себя, *как необходимо читать философские произведения и что этому мешает?* Этот вопрос в эпоху информационного общества, в условиях когнитивной революции приобрел еще большее значение, потому что количественный рост доступных источников информации, число книг, статей, тезисов, аннотаций возросло на порядки. Парадокс чтения книги связан прежде всего с соблазном *начинать с готового обобщения*. Помните: «*Что может быть скучнее и несправедливее по отношению к автору, чем, скажем, браться за «госпожу Бовари», наперед зная, что в этой книге обличается буржуазия*», – сетовал Набоков [3, с. 33]. Сетования подобного рода могут предвещать чтение любого произведения – «Холодного дома» Диккенса, например, с описанием бесконечной тяжбы, связанной с наследством, до тех пор, пока не закончится само наследство, с

которого идут средства на оплату процесса, Марселя Пруста, Франца Кафки и т. д. и т. п. Приведенное суждение Набокова кажется парадоксальным, если совсем несправедливым: не только ответ на вопрос «О чем эта книга?», но и само название книги предполагают *программу отсылок к знанию, принимаемому по умолчанию*. Что же делать, как читать философское произведение, памятуя, что философия посвящает себя во многом именно «*стылому свету обобщений*» как профессиональному занятию, имеет дело с концептуальным, понятийным строем мышления?

С чего начинается философия? Разумеется, философское мышление начинается не с итоговой мысли, выраженной в понятиях. Аристотель справедливо считал, что *философия начинается с удивления*. Это психологическое состояние изумления, радостной оторопи греки и называли *апория*, полагая, что пробуждение именно этого состояния, а не готовые ответы на возникающие вопросы, является истоком философской мысли. *Философия начинается с изумления*, – часто читаем мы, констатируя его как некий факт, существующий не в качестве особого психологического состояния, а отвлеченного знания о нем. Философия начинается с того изумления, когда все перед глазами и тем не менее нуждается в наделении смыслом.

Философия в строгом смысле слова есть наука о смысле, живая археология. Но если археолог прибегает к *реконструкции* дошедших до него памятников и их фрагментов, то *архив философского мышления – его современность*. Укорененность в собственной эпохе, принадлежность своему времени, как и собственное видение насущных проблем своего времени и путей их решения придает жизненность самой философии. Философ не пророк, он обращается не к будущим поколениям людей через головы своих современников. Философ обращается к своим современникам! Определение философии как «*живой археологии*» звучит парадоксально. С одной стороны, – археология, наука об исчезнувших с лица земли культурах, судящая о прошлом по дошедшим до нас останкам, следам, памятникам или фрагментам памятников, с другой – живое знание, с которым как-то связана философская мысль.

Вот несколько примеров «живой археологии», которые помогут понять, о чем идет речь

1. Позволю пример, поучительный для всех нас. Входя в здание со спутницей, ну, хотя бы в здание психологического факультета СПбГУ на набережной Макарова, мы открываем перед ней дверь и пропускаем ее вперед. Какими бы благородными намерениями мы при этом ни руководствовались, как бы ни суетились, следующую дверь придется открывать уже нашей даме. Парадокс вполне практического свойства прост. От времен А.С. Пушкина нам досталось благоговейное, трепетное, просто внимательное и уважительное отношение к женщине, что проявляется в стремлении выразить его и таким образом. Но швейцар, который когда-то открывал эту дверь, до нашего времени не дожил. Тем самым мы сталкиваемся с неразрешимой для каждого из нас обыденной, повседневной проблемой, которую практически разрешить не можем, но в силах пытаться наделить происходящее смыслом.

2. Другой пример имеет отношение к области права. Не так давно (в 2013 г.) министр юстиции Франции Кристиан Тубир выступила с предложением доверить секретарю суда регистрацию разводов, совершаемых супругами по взаимному согласию сторон, так же как это совершает нотариус с доверенностями, сделками на недвижимость и т. п., и тем самым разгрузить судебный корпус. Однако, юридическая общественность Франции выступила с решительным протестом. В частности, Президент Адвокатской палаты Парижа Пьер Оливье Сюр / Pierre-Olivier Sur обратил внимание на то, что когда распадается брак, всегда есть риск манипуляции и, следовательно, судья, выносящий решение о разводе пары, должен следить за тем, чтобы не были нарушены права наиболее слабой стороны; именно он должен оценивать степень свободы при изъявлении взаимного согласия сторон, удостовериться, что соблюдены интересы прежде всего детей, так же как и финансовые интересы каждой из сторон. Попробуйте представить себя на месте судьи, пытающегося дать определение понятиям *«интересы ребенка»*, *«степень свободы»* и вы поймете, что речь идет о *ситуации неопределенности*, в которой судья должен *принять конкретное решение, не имея для этого*

всей необходимой исчерпывающей информации. Интересы ребенка связаны и с его будущим, о котором не знает ни он сам, ни его родители, ни сам судья. Между правами ребенка и его интересами – существенное различие!

3. К подобному типу ситуаций привлекает наше внимание З. Фрейд в самом начале 7 главы «Толкования сновидений». «Исходный парадокс открытия Фрейда связан с очевидностью, которая нуждается в наделении смыслом! В этом и состоит формула типично психоаналитической ситуации, яркой парадигмой которой может служить сновидение о горящем мальчике, приводимое Фрейдом в «Толковании сновидений», рассказанное ему одной пациенткой, и которое сам Фрейд называет «сновидением – образцом»: *«Один отец день и ночь сидел у постели своего больного ребенка. Ребенок умер, отец лег спать в соседней комнате, но оставил дверь открытой, чтобы из спальни видеть тело покойника, окруженное большими зажженными свечами. Около тела сидел старик и бормотал молитвы. После нескольких часов сна отцу приснилось, что ребенок подходит к его постели, берет его за руку и с упреком ему говорит: отец, разве ты не видишь, что я горю? Он просыпается, замечает яркий свет в соседней комнате, спешит туда и видит, что старик уснул, а одежда и одна рука тела покойника успели уже обгореть от упавшей на него зажженной свечи».*

Содержание рассказанного сновидения весьма кратко: ребенок подходит к постели, берет сновидца за руку и говорит: *«отец, разве ты не видишь, что я горю?»* Смысловое содержание сказанного «горящим мальчиком» можно продувать, исходя прежде всего из семантических возможностей выражения: *«Разве ты не видишь, что...?»*. Не стоит торопиться наделять его интенциональностью упрека, как это делает сам Фрейд. В обыденном языке это выражение может служить призывом к большему вниманию, тщательности в отношении к наблюдаемому, происходящему... Оно же может стать и способом выразить возмущение, негодование, ярость.... Выражение *«Разве ты не видишь, что...?»* используется в ситуациях, когда все перед глазами, но один из участников ей не адекватен, не адекватен тому дискурсу, в котором каждый на его месте, любой другой знал бы, что делать. Для Фрейда «толкование этого трогательного сновидения не

представляет никаких трудностей», но не стоит торопиться соглашаться с ним и задать вопрос, почему отец горящего мальчика не видит того, что перед глазами? Как это бывает и с каждым из нас, нарывающимися на окрик: «*Ты что слепой...?*», «*Где твои глаза...?*», «*Разве ты не видишь, что...?*».

Почему отец смотрит и не видит? Мы не видим, не понимаем того, что «перед глазами», когда не можем опереться на выразительные ресурсы дискурса, языковой игры, экзистенциальной ситуации, частью которой является используемое выражение, включающее определенный автоматизм своего понимания, если мы принимаем участие в происходящем. Едва ли кому-нибудь придет в голову на вопрос вызванного к больному врача: «*Ну, на что жалуетесь, больной?*» – сетовать на судьбу, на неудачный брак, трудности с воспитанием детей и т. п.. Это происходит потому, что речь, вербальная коммуникация опирается на выразительные возможности определенного дискурса: в нашем случае – приход в дом человека в белом халате по предварительному звонку или вызову, узнаваемый характер используемой лексики, скажем «*больной*» вместо «*гражданин*», тональность обращения и иные, подчас ускользающие от сознания, признаки дискурса, позволяют наделить используемое языковое выражение, а вместе с ним и происходящее, всю экзистенциальную ситуацию *значением*.

Отец из фрейдовского сновидения *не видит*, что ребенок горит, потому что он не на пожаре, не в кабинете врача, не в одной из тех многочисленных ситуаций, в которых можно использовать выражение «*разве ты не видишь, что...*», подставляя на место пропуска в строке тот или иной объект и указывая на него. Сновидец не может видеть в том смысле, в котором субъект восприятия видит объекты с их устойчивостью, предсказуемостью и т. п.: *он смотрит и не видит.*» [3, с. 25–28].

В приведенных примерах поучительна непростая связь происходящего, ситуаций неопределенности с *историей*, лакуны в которой нам приходится не раскапывать в археологических раскопках, а испытывать на себе, переживая, может быть, досаду, раздражение, чувство неловкости, недоумения, как в нашем

примере, или же наоборот – удивление, изумление или радостную оторопь, о котором говорил Аристотель как источнике философии.

Таким образом, философия начинается как состояние, возникающее в *ситуациях неопределенности*, связанной с отсутствующим / утраченным смыслом, *когда все перед глазами, надо что-то делать, а спросить некого*. Исчезнувший швейцар за дверью, в которую Вы входите со своей спутницей с улицы, ребенок, ответ которого о его интересах не может быть мотивацией решения, принимаемого судьей, отец «горящего мальчика», который «смотрит и не видит»; – эти и другие персонажи ситуаций неопределенности являются частью той истории, когда, говоря словами М. Булгакова, Аннушка не только купила масло, но и разлила его. Философия начинается слишком поздно! Необходимо вернуть смысл происходящему, но не в исторической определенности прошлого, как того что стало достоянием истории, но исходя, по выражению М. Хайдеггера, из *«неотложности современности»*. Этот парадокс «живой археологии» нуждается в усилении, приближающем начало философского размышления к медитативному состоянию, позволяющему преодолеть фрагментарность повседневного мышления, продуцируемого технологией чтения как навыка получения, хранения и использования информации, навыка работы со «стылыми обобщениями».

Если мы хотим вернуть смысл происходящему, необходимо обратиться к истокам, исходя, по выражению М. Хайдеггера, из *неотложности современности*, исследовать вопросы, связанные со значением происходящего у истоков, значением того, что уже стало историей и современностью. Следует спросить *«В чем состоит значение, содеянного... Галелеем? Фрейдом?, Марксом?, Ницше?..... – теми мыслителями, которым мы обязаны особым образом мысли*. Философское произведение, как и произведение литературы или научный труд, открывают нам новый мир, новую *реальность*.

Еще раз обратимся к Набокову *«Нужно всегда помнить, что во всяком произведении искусства (и в произведении философии – Л.В.) воссоздан новый мир, и наша главная задача – как можно подробнее узнать этот мир, впервые открывающийся нам (выделено мною – Л.В.) и никак напрямую не связанный с теми*

мирами, что мы знали прежде. Этот мир нужно изучить – тогда и только тогда начинайте думать о его связях с другими мирами, другими областями знания» (4, с. 33). Таким образом, чтобы изучить реальность, которую философ пытается переопределить, необходимы усилия, связанные с чуткостью, как во – первых, к языку, которым пользуется философ, так, во – вторых, и к практическим обстоятельствам использования языка. Необходимо внимание к дискурсу философии. Философия артикулирует сферу «наиближайшего», того, что принимается как само собой разумеющееся и для исторического прошлого, которое в своей очевидности сопротивляется осмыслению, наделению смыслом. Ее призвание – внести порядок, быть может, весьма предварительный и схематичный, упорядочить область семиотического, значимого для человека, всего, что становится предметом вопроса «А что это значит, каково значение происходящего?». Именно здесь недостаточно понимания философии как «мировоззрения». Философская мысль артикулирует происходящее прежде всего на уровне языка, а не взгляда! Этот аспект самоопределения европейского человека когда-то Ж. Лакан рассматривал в качестве призвания психоанализа, полагая, что именно к предметной области психоанализа относится истина субъекта в отличие от «мировоззрения» (в его необязательности) остающегося на долю философии.

Назовем ли мы способность к артикуляции происходящего на уровне дискурса – «мудростью» (вслед за Сократом), «поэтикой» как «движением языка к самому себе» (вслед за Р. Якобсоном), «видением языка» (вслед за Л. Витгенштейном), «плавающим в нем» психоаналитической традиции, лингвистической компетентностью или же движением против потока речи – речь идет об особой установке, формирование которой требует и особых усилий, и особой культуры, если не особого дара. В этом одна из трудностей понимания философии, того, что называется «абстрактностью» философской мысли. Ее абстрактность – в особом способе использования языка, который не может опереться на совокупность привычных лексических значений слова и обыденное словоупотребление. Принадлежа конкретно-исторической ситуации, определенной эпохе

в развитии культуры, философ не упоминает о многих аспектах жизни людей в силу их обыденности, а следовательно, и очевидности. Обращаясь к своим современникам, он говорит на языке своего народа. Здесь возникает та же проблема, что и при переводе с одного языка на другой, особенно если эти языки разделены целыми историческими эпохами. Понимание языка Платона, А. Августина, И. Канта, М. Хайдеггера требует не меньшей работы, чем понимание языка Гомера, Петрарки, Шекспира. Сравните, например, переводы Шекспира, выполненные, скажем М. Лозинским и Б. Пастернаком, и почувствуйте разницу!

Уместно сравнить усилия понять философскую мысль, философское произведение с теми усилиями, которые мы предпринимаем, когда прислушиваемся к разговору, который для нас важен, но содержание которого для нас почти недоступно, потому что его почти неслышно. К этой аналогии, как известно, прибегал З. Фрейд, чтобы прояснить технику интерпретации сновидения. В современной культуре способность прислушиваться к звучащей речи оказалась на периферии и проявляется в трансформированном виде лишь в соответствующих жанрах искусства. Не случайно один из мыслителей XX века Р. Карнап в работе «Логическое построение мира» характеризует философа как человека с музыкальным слухом, но без музыкального образования!

Прогулка с Набоковым. Позволю еще одну иллюстрацию, которая по мысли Набокова, призвана акцентировать подвижность границ между реальностью и воображаемым у людей:

«Представим себе, что по одной и той же местности идут три разных человека. Один – горожанин, наслаждающийся заслуженным отпуском. Другой – специалист ботаник. Третий – местный фермер. Первый, горожанин, – что называется реалист, человек прозаический, приверженец здравого смысла: в деревьях он видит деревья, а карта сообщила ему, что эта красивая новая дорога ведет в Ньютон, где можно отлично поесть в погребке, рекомендованном ему сослуживцем. Ботаник смотрит вокруг и воспринимает ландшафт в точных категориях жизни растений, в конкретных видовых терминах, характеризующих те или иные травы и деревья, цветы и папоротники, и для него это и

есть реальность; мир флегматичного туриста (не умеющего отличить дуб от вяза) представляется ему фантастическим, смутным, призрачным, подобным сновидению. И наконец, мир местного фермера отличается от остальных двух тем, что он окрашен сильными эмоциями и личным отношением, поскольку фермер родился здесь, вырос и знает каждую тропку в теплой связи с его будничным трудом, с его детством – тысяча мелочей и сочетаний, о которых те двое – праздный турист и систематик ботаник – даже не подозревают. ... Таким образом, перед нами три разных мира – у этих обыкновенных людей разные реальности ; ...» (4, с. 347).

Разумеется, в этой прогулке могли бы участвовать и мы с вами – и тогда, быть может, мы заметили, что В. Набоков упускает из виду (и делает это специально), что реальность персонажей прогулки, скорее всего, связана с тем, как если бы они – горожанин, ботаник и фермер – о ней рассказывали сами, а он, писатель, на основании их рассказов, уже реконструирует реальность. Набоков пренебрегает этой лингвистической составляющей потому, что он современник своих персонажей, и хорошо представляет их жизнь и психологию. Но, разумеется, между тем, что происходит с персонажами и тем, *как* они об этом стали бы рассказывать, большая разница. Зачастую, это различие мы упускаем из виду, полагая, что история и рассказ о ней – это одно и то же, если рассказ приближается к ней, не содержит в себе искажений и заведомой лжи.

В изучении философии как усилий по поиску и переопределению реальности итогом которых станет мысль или философское учение следует иметь в виду, что это процесс, в котором можно выделить ряд ступеней:

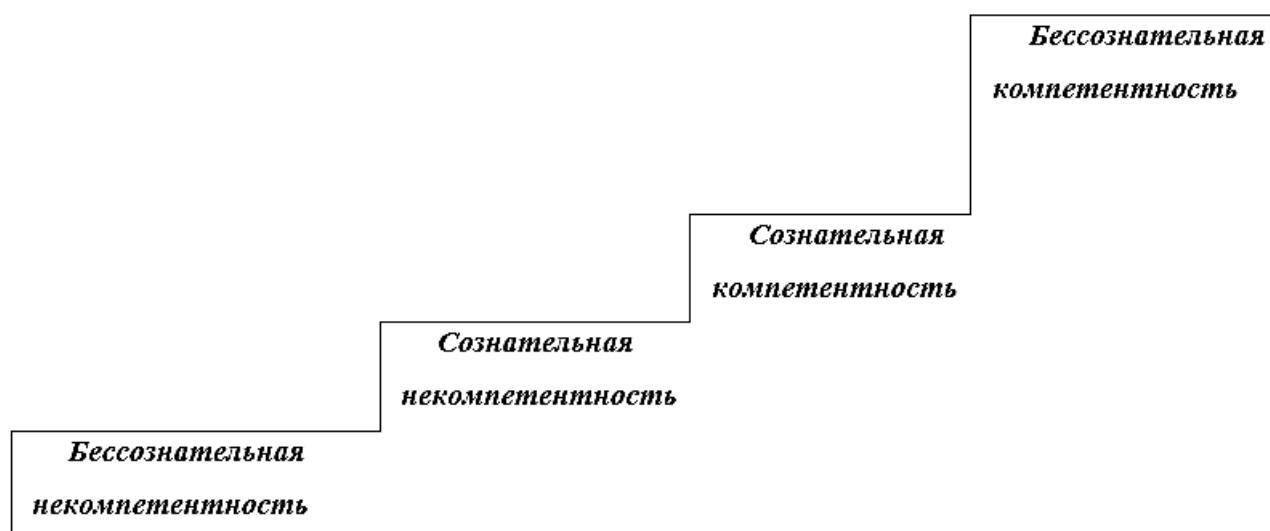

Рис. 1

Философское мышление работает там, где ресурсы повседневного языка оказываются недостаточными, дают сбой, там, где речь все более и более определяется атмосферой рефлексивности. Когда вдумываешься в философские вопросы, пишет Вайсман: *«кажется, будто разум затуманивается и все, даже, то, что должно быть абсолютно ясным, начинает странно сбивать с толку, становится совершенно не похожим на себя. Это не столько вопросы, сколько признаки глубокой обеспокоенности разума. Философ... похож на глубоко встревоженного человека. Кажется, что он стремится понять нечто, превосходящее его понимание. Слова, в которых такой вопрос формулируется, совершенно не раскрывают его реальную суть, которую, наверное, правильнее было бы определить как ужас перед непостижимым»*. (1, с. 85). Но если философские вопросы выходят за пределы лексических значений обыденного языка (*Этап 2: Сознательная некомпетентность*), то как философскому мышлению удастся движение, результатом которого становится философское учение (*Этап 3: Сознательная компетентность*)?

Концепт. Основным инструментом на службе философского мышления является *концепт* как основное средство в процессе концептуализации опыта, требующего артикуляции наближайшего, предпосылок, имплицитно принимаемых субъектом речи. Философское мышление осуществляет концептуализацию в процессе перехода от метафоры к понятию. Его задача – восстановить

утраченную концептуальную ясность в отношении человека с реальностью, в том числе и своей собственной, вернуть ему утраченное равновесие. Философию как вид интеллектуально-психологической деятельности можно определить как постоянное движение к реальности (ее переопределение) путем концептуального анализа. *«Познавать самого себя – учиться мыслить – поступать так, как если бы ничто не было самоочевидно, – удивляться, изумляться * бытию сущего»...* - во всех этих и многих других характеристиках философии формируются интересные, хотя, в конечном счете, и надоедающие человеческие позиции, однако в них не утверждается, даже с точки зрения педагогики, четко определенное, занятие, точно ограниченный род деятельности. Напротив того, определение философии как познания посредством чистых концептов можно считать окончательным (подчеркнуто мною – Л.В.)» (2, с. 16). Концепт – это языковая сеть, которую мы набрасываем на реальность и с помощью которой эта реальность нам тем или иным образом, в зависимости от концепта, становится доступной. Размышление о реальности возможно с помощью того или иного концепта, а признание чего-либо в качестве реального предполагает определенный концепт. Концепт всегда коррелирует с реальностью.

Подумайте над тем, что добавляет к сказанному выражение «на самом деле» (по-настоящему, в действительности, реально) в следующих утверждениях: *«Я на самом деле хочу заниматься исследованием психологии человека?»*, - *«Санкции в отношении России на самом деле были приняты ЕС под давлением Вашингтона»*, – *«Первая мировая война на самом деле была свидетельством катастрофы Европейского разума»*). Пытаясь ответить на так поставленный вопрос, Вы неожиданно обнаружите, что вынуждены каким-то образом увязывать вместе природу *«психологии человека»*, *«психологической инстанции Я»*, *«образования как социального института»*, *«санкций»*, *«давления Вашингтона»* и т. д. и т. п. – всего того, о чем Вы и не помышляете, выбирая образование, определяя собственную гражданскую позицию, отношение к европейской истории, но что и является на самом деле концептуальным анализом, которому посвящает себя философия.

Таким образом, размышление над вопросом, что такое философия, начатое с усилий прочесть философское произведение как следует, позволило рассматривать ее как способ интеллектуально-психологической деятельности по реконструкции утраченного смысла в ситуациях неопределенности, когда все перед глазами, надо что-то делать, а спросить некого. В современном мире, изменения которого происходят значительно быстрее, нежели попытки их осмысления, вместе с количеством ситуаций неопределенности, возрастают и их риски, а вместе с ними и их значение. Эти изменения приводят к тому, что в разных областях общественной жизни, начиная с экономики и заканчивая искусством, все большее значение приобретает потребность в концептуальном анализе, медийным воплощением которого становится концептуальный персонаж Аналитика.

Список литературы

1. Вайсман Ф. Как я понимаю философию // Путь в философию. Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 83–122.
2. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – СПб., 1998.
3. Литвинский В.М. На пороге новой антропологии // Лапланш Ж. Жизнь и смерть в психоанализе. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – С. 5–56.
4. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. – СПб.: Азбука-Классика, 2010. – 512 с.

Литвинский Вячеслав Михайлович – канд. филос. наук, доцент Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Россия, г. Санкт-Петербург.
